

Р. Г. Мурадов

ОТ КЛАССИКИ К ВЕРНАКУЛЯРУ: РЕДУКЦИЯ МУСУЛЬМАНСКИХ МАВЗОЛЕЕВ СЕВЕРНОГО ХОРАСАНА В XIV–XIX ВЕКАХ

В IX–X вв. по всему исламизированному миру распространилась практика строительства персональных усыпальниц людей, игравших заметную роль в обществе. Композиция таких погребальных сооружений в Центральной Азии заимствовалась от доисламских культовых построек с купольной структурой (чартак). В результате сравнительно быстрой эволюции в XI–XII вв. архитектура среднеазиатских мавзолеев достигла высокого уровня мастерства конструктивных решений и декора, представленных классическими памятниками в Бухаре, Мерве, Гургандже и других имперских столицах. Следующий этап развития мемориального зодчества в этом регионе связан с эпохами Золотой Орды и Тимуридов. Однако, с конца XV в. в результате отмирания трансконтинентальной караванной торговли, вызвавшей экономическую стагнацию и длительную политическую дестабилизацию всего региона, началась неуклонная деградация строительного искусства. Прежде всего она затронула обширную территорию так называемой туркменской вольницы, оказавшуюся за пределами соседних централизованных деспотий. Упростились конструкции, уменьшились размеры построек, употреблялись дешевые и некачественные строительные материалы, вместо жженого кирпича опять, как в ранней древности, стали господствовать глина и природный камень. В XVIII–XIX вв. вернакуляр вытеснил профессиональное мастерство в архитектуре Северного Хорасана и на периферии Хивинского ханства.

В статье показана эта тенденция на примере ряда уцелевших до сих пор аутентичных мавзолеев в узкой полосе очень старых оазисов между пустыней Каракум и горной системой Копетдаг, а также в речных долинах непосредственно в межгорье, некоторые из которых до сих пор не были введены в научный оборот. По морфологическим признакам их можно условно разделить на две локальные этногеографические группы. Между ними прослеживается явная типологическая общность, но есть и различия, обусловленные, прежде всего, особым назначением некоторых мемориальных построек.

Ключевые слова: Центральная Азия, Большой Хорасан, чартак, святыня, пештак, айван

R. G. Muradov

FROM CLASSIC TO VERNACULAR: REDUCTION OF MUSLIM MAUSOLEUMS OF THE NORTHERN KHORASAN OF THE 14TH–19TH CENTURIES

In the 9th–10th centuries, the practice of building personal tombs for people who played a prominent role in society spread throughout the Islamic world. The composition of such burial structures in Central Asia was borrowed from pre-Islamic religious buildings with a dome structure (chartaq). As a result of the relatively rapid evolution in the 11th–12th centuries, the architecture of the Central Asian mausoleums reached a high level of mastery of design solutions and decor represented by classical monuments in Bukhara, Merv, Gurganj and other imperial capitals. The next stage in the development of memorial architecture in this region is associated with the eras of the Golden Horde and Timurids. However, since the end of the 15th century, as a result of the withering away of transcontinental caravan trade, which caused economic stagnation and prolonged political destabilization of the entire region, a steady degradation of building art began. First of all, it affected the vast territory of the so-called Turkmen freemen, which turned out to be outside the neighboring centralized despotias. Structures were simplified, the size of buildings was reduced, cheap and low-quality building materials were used, instead of burnt bricks, and again, as in ancient times, clay and natural stone began to dominate. In the 18th–19th centuries, the vernacular replaced professional skill in the architecture of Northern Khorasan and on the periphery of the Khiva khanate.

The article shows this trend by the example of a number of authentic mausoleums that have survived to this day in a narrow strip of very old oases between the Karakum desert and the Kopetdag mountain range, as well as in river valleys directly in the intermountain regions, some of which have not yet been put into scientific circulation. According to morphological characteristics, they can be divided into two local ethnogeographic groups. An obvious typological community can be traced between them, but there are also differences, due first of all, to the special purpose of some memorial buildings.

Keywords: *Central Asia, Greater Khorasan, chartaq, shrine, pishtaq, iwan*

Вопреки строгому монотеизму раннего ислама, в котором любые проявления культа мертвых рассматривались как греховное поклонение человеку, а не Богу, в IX–X вв. по всему исламизированному миру распространилась практика строительства персональных усыпальниц людей, игравших заметную роль в обществе. Некоторые аспекты отношения шариата к погребальной архитектуре, балансирующего между ортодоксией и экзегезой, уже рассматривались (Leisten 1990). Наконец, этой типологической группе посвящен ряд обзорных публикаций (Grabar 1966; Бородина 1974, 1985; Маньковская 1980, 1983; Хмельницкий 1992, 1996; Hillenbrand 1994; Leisten 1998; Ажигали 2002; Haji-Qassem 2010 и др.). Долгое время было принято считать, что композиция таких погребальных сооружений в Иране и Центральной Азии заимствовалась, прежде всего, у доисламских культовых построек с купольной структурой. Имелся в виду *чартак* или, иначе говоря, *чахартак* — квадратное помещение, увенчанное куполом и раскрытое на все четыре стороны широкими арками (Godard 1938: 7–80; Erdmann 1941: 35). Чартак стал почти синонимом «храма огня», хотя более поздние исследования подтвердили мнение Эрнста Херцфельда и других исследователей, что храмы огня всегда были закрытыми зданиями, гораздо сложнее простого открытого навеса (Herzfeld 1935: 88–93). Более того, чартак использовался не только в религиозных, но и в светских постройках Сасанидов, поэтому этот термин нельзя считать определяющим для одного функционально-

го типа здания (Schippmann 1971; Huff, O’Kane 2012). Истоки этой архитектурной модели в Иране и Центральной Азии наверняка гораздо более древние и прослеживаются с эпохи бронзы (Мамедов 2014: 109–110).

Подобные мавзолеи встречаются и в других местах исламского мира, не входивших в зону распространения зороастризма. Высказывалась точка зрения, что в таких случаях решающее влияние, по-видимому, оказал другой возможный предок мусульманского мемориального сооружения, а именно позднеантичный римский мавзолей и разные его производные, а также согдийские оссуарии. От Магриба до Мавераннахра/Трансоксианы переход от языческого к исламскому мемориальному строительству был почти непрерывным благодаря сохранению функции, тогда как предполагается вывод из зороастрийского чартака повлек бы за собой резкую и критическую смену назначения традиционной постройки (Hillenbrand 1994: 281). Но и это суждение не учитывает одно важное обстоятельство: в ходе арабского завоевания Ирана и Центральной Азии именно старые святыни, каковыми являлись вовсе не погребения, а как раз многочисленные культовые объекты, сплошь и рядом перепрофилировались с целью утверждения новой веры. Намоленные места очищались от основных атрибутов языческого культа и превращались в исламизированные святыни с мнимыми могилами сподвижников и потомков пророка Мухаммеда, суфийских шейхов, либо вовсе мифологических персонажей местного языческого пантеона.

На это прямо указывают сами названия многих мусульманских мавзолеев этого региона, а также наличие в них такой реликтовой детали интерьера как *чираг* — лучина в специальной нише или светильник с горящим маслом, предназначенные для выполнения паломниками определенных ритуальных действий¹. С другой стороны, не менее убедительно обоснован тезис о значении буддийского зодчества для формирования архитектуры среднеазиатского мавзолея (Литвинский 1979; Литвинский, Зеймаль 2010: 106–107).

Достаточно ярко генезис мусульманского мавзолея прослеживается на материалах Большого Хорасана — исторической области, известной под таким названием с эпохи Сасанидов. В средневековье она состояла из орошаемых пахотных земель и оазисов под господством четырех городов — Нишапура, Мерва, Герата и Балха, и была ограничена пустынями Деште-Кевир и Каракум, рекой Амударьей и Гиндукушским хребтом (Rante 2015). В результате сравнительно быстрой эволюции в IX–XII вв. архитектура мавзолеев Хорасана и соседних областей — Мавераннахра и Хорезма — достигла наивысшего уровня мастерства конструктивных решений и декора, представленных такими классическими памятниками, как мавзолей

Саманидов в Бухаре, султана Санджара в Мерве, усыпальницы хорезмшахов в Куня-Ургенче. Этот ряд блестящих построек означенного времени включает и десятки других объектов, в целом неплохо сохранившихся, которые довольно хорошо изучены, причем выявлены их типологическая общность и различия (Прибыткова 1973). Следующий этап развития мемориального зодчества в данном регионе связан с эпохами Золотой Орды и Тимуридов (Pougatchenkova 1981; O'Kane 1987; Golombek, Wilber 1988; Зиливинская 2014).

Однако два события конца XV в. — открытия Колумба и Васко да Гамы — роковым образом повлияли на жизнь Центральной Азии: они привели к быстрому отмиранию традиционных сухопутных трасс между Европой и Китаем. Торговые караваны были исключительно важным источником доходов местных суверенов, которые обеспечивали безопасность купцов и занимались благоустройством караванных маршрутов. Ослабление трафика по так называемому Шелковому пути привело к тому, что с XVI в. начался период перманентной политической дестабилизации, и в первой половине XVIII в. весь регион погрузился в глубокую экономическую стагнацию, что не замедлило отразиться на архитектуре. Неуклонный упадок строительного искусства затронул прежде всего обширную зону туркменской вольницы, оказавшуюся за пределами централизованных монархий Персии, Бухары и Хивы. Это территория между Амударьей на востоке и Каспийским морем на западе, Мангышлаком и Хорезмом на севере и горным хребтом Копетдаг на юге, которую с начала XVI в. стали занимать полунезависимые туркменские племена (Annapesov 2003: 128, 137–139).

Позднее средневековье, которое в этой части света растянулось до на-

¹ Этот реликт языческих верований сохранился, как и сама практика возведения мавзолеев, на протяжении всего исламского периода, несмотря на запретительные фетвы. Примечательно высказывание жившего на рубеже XVIII–XIX вв. уйгурского интеллектуала Мухаммада Садыка Кашгари: «...предосудительно строить возвышения на могиле из жженого кирпича и камня, в виде конуса или другой формы, а также зажигать на могилах свечи». Цит. по: Лыкошин 1895: 56. Другая линия генезиса ритуального огня в мусульманских мавзолеех Средней Азии идет от буддийских курильниц (Литвинский, Зеймаль 2010: 106).

чала русской колонизации в последней четверти XIX в., вполне можно назвать темным периодом, потому что он оставил очень мало материальных следов и нарратива. Лишь то немногое, что еще уцелело в том или ином виде, может стать эмпирической базой исследования. Но в силу традиции историко-архитектурные студии обычно концентрируются на ярких, первостепенных объектах, а заурядные постройки если и попадают в их поле зрения, то, скорее, как фон, не имеющий самостоятельной ценности. Такую картину зодчества Ирана, Афганистана и Средней Азии дает, например, двенадцатитомная «Всеобщая история архитектуры», где все внимание авторов соответствующего тома сосредоточено на крупных городах, связанных с государственными инвестициями в монументальное строительство. Прежде всего это Бухара, Самарканд, Герат, Мазари-Шариф, Мешхед, Хива, Коканд и др. Но даже по поводу грандиозных городских ансамблей XVII в. отмечается, что их строители «употребляют сложившиеся за столетия технические и композиционные схемы, облекая постройки в декоративные одежды прошлого. При бездумном копировании целого и деталей зодчие редко удерживались на прежнем уровне мастерства. Развитие творческой мысли приостановилось перед началом падения» (Воронина 1969: 331). Понятно, что для провинции этот тезис актуален вдвойне.

Если после тяжелого кризиса первой половины XVIII в. в трех узбекских ханствах возобновилась строительная активность, что неплохо отражено в многочисленных публикациях, то на периферии этих государств и, тем более, в неподвластных им мелких владениях и на неуправляемых территориях, населенных обособленными туркменскими племенами, монументальное строи-

тельство не находило прочной материальной базы. Тем не менее, и в их среде попытки придерживаться классических архитектурных приемов еще предпринимались строителями мавзолеев XVI–XVIII вв.

Провинциальные святыни

Первые хорасанские мавзолеи давно утрачены, но в конце XIX в. некоторые из них застали побывавшие в этих краях академик Д. И. Яворницкий и профессор В. А. Жуковский. Они, в частности, дали краткое описание группы памятников на некрополях Имам-баба́ и Баба́-Гамбар, расположенных вдоль берегов Мургаба южнее Мерва (*Эварницкий* 1893: 48–49; *Жуковский* 1894: 176–180). Эти мавзолеи заметно отличались от монументальных усыпальниц последующих веков и представляли собой вышеупомянутый чартак — небольшой, квадратный в плане и строго центрический киоск со сторонами около 4–5 м, одинаково оформленными гладкими стенами, посередине которых имелись открытые арочные проемы. Среди сохранившихся в оазисе Мерва центрических мавзолеев самыми ранними считаются Кыз-биби (*Пилявский* 1949: 50–42; *Пугаченкова* 1958а: 175–176) и совсем миниатюрная усыпальница Абдуллы ибн Бурейды (*Пугаченкова* 1961). Она также воспроизводит структуру чартака размером всего 3,8×3,8 м и близка по габаритам давно исчезнувшему мавзолею некрополей Имам-баба́ и Баба́-Гамбар. С последним кладбищем принято связывать чартак, известный лишь по фотографии 1880-х гг., предположительно из фонда генерала А. В. Комарова в фотоархиве ИИМК РАН (ил. 1). Этот объект условно назван мавзолеем Ахмеда — по прочитанному обрывку эпитафической ленты на его фасаде (*Пугаченкова* 1958а: 178–

Ил. 1. Баба-Гамбар. Так называемый мавзолей Ахмеда. Фото 1880-х гг. Фотоархив ИИМК РАН

179). Исследователи вполне убедительно относят этот самый эффектный, декоративно и пластически, из трех упомянутых памятников, ко времени не позже начала XI в. (Хмельницкий 1992: 122–123).

На кладбище Машад в средневековом Дехистане² сохранились руины пяти безымянных мавзолеев XI–XII вв. (Пугаченкова 1958а: 292–299). Все они были купольные, октагональные или круглые в плане, с прямоугольными вестибюлями, перекрытыми сводами. Их отлича-

² Историческая область, почти совпадающая территориально с античной Гирканией, расположена на Мисрианском плато в юго-восточной части Прикаспия, ныне — территория Балканского веляята (области) Туркменистана.

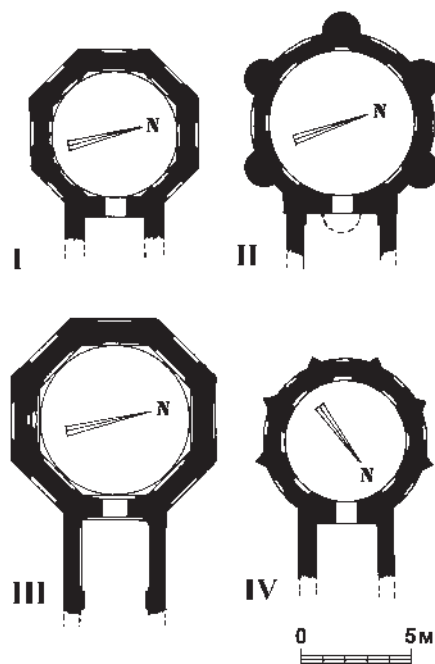
ют несколько тяжеловесные пропорции, редкие для такого типа сооружений контрфорсы типа *гульдаста* (ил. 2) или острых ребер. Кое-где есть следы алебастровой штукатурки. Почти все имели сильно выдвинутые вперед порталы. Иными словами, это были достаточно глубокие сводчатые или купольные вестибюли-лоджии с довольно тонкими стенами и фасадной аркой в традиционном прямоугольном обрамлении (ил. 3). В облике объектов этого кладбища заметно неформальное сходство со знаменитой башней Кумбет-и Кабус в соседнем районе Ирана и более близкое родство с тремя круглыми башенными гробницами XI в. в Дамгане (Haji-Qassem 2010:

Ил. 2. Машад. Однотипные мавзолеи XI–XII вв. (№ 2 и 3 по нумерации Г. А. Пугаченковой) с круглыми контрфорсами. Фото Р. Г. Мурадова, 2010 г.

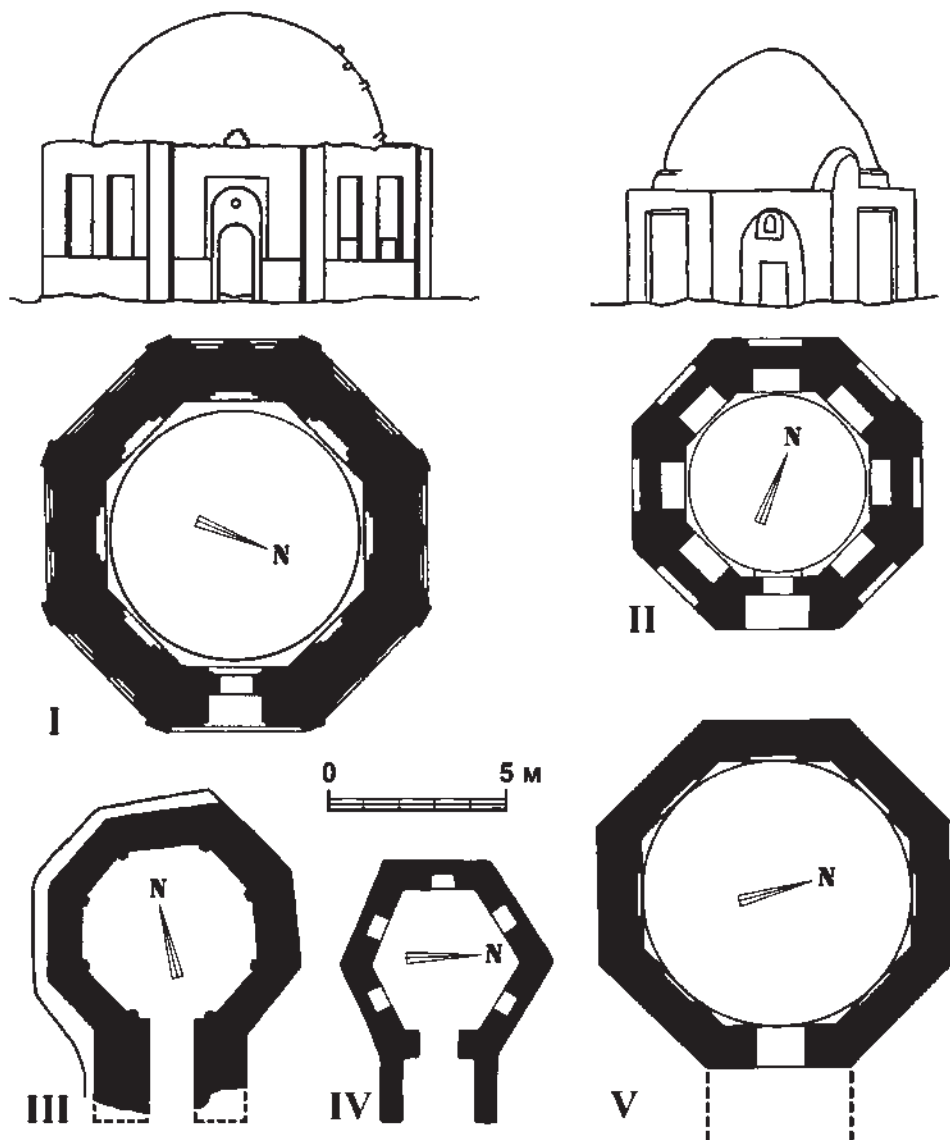
54–68), а также с некоторыми усыпальницами сельджукского периода — такими как мавзолеи Харракана, Гунбад-и Кабуд в Мараге и др. Различия — в богатом художественном оформлении иранских памятников и в отсутствии у них вестибюлей-лоджий. Для туранских провинциальных мавзолеев той поры — от Хорезма до Дехистана — в целом характерны более простые композиционные решения и очень скупой декор.

Октагональный план имеют три маленьких мавзолея средневековой Нисы, на территории современного села Багир, ныне ставшего западной окраиной Ашхабада. Это Ших Алов, Бабаджан, чья история начинается в XI в., а также более поздний Баба Алимес (Массон 1949: 82–84). Первоначальные сооружения над этими почитаемыми могилами давно исчезли, но в конце XIX в. их фундаменты были откопаны местными жителями и на них возведены новые мавзолеи очень грубой работы, повторяющие лишь форму плана (ил. 4, I–II). А вот другой восьмигранный мавзолей, уверенно датированный XIV в., был совершенно забыт, лишен каких-либо признаков культа и обнаружен только в 1984 г. благодаря археологическим раскопкам холма Хырлы-депе в центре села Исбирден,

Ил. 3. Машад. Планы мавзолеев XI–XII вв.: I) мавзолей № 1; II) мавзолеи № 2 и 3; III) мавзолей № 4; IV) мавзолей № 5 (Хмельницкий 1996, рис. 245 с коррективами)

в 40 км западнее Багира (ил. 4, III). Цоколь его — из булыжников на глиняном растворе, а стены, сохранившиеся всего на 78 см от уровня пола — из тесаных камней. Но в руинах найдены многочис-

Ил. 4. Многоугольные мавзолеи Северного Хорасана: I) Ших Алов; II) Бабаджан; III) Исбирден; IV) Даната; V) Машад № 7

ленные детали архитектурного декора. Это керамические плитки в форме восьмилучевых звезд, покрытых яркой голубой глазурью, в форме крестовин с острыми треугольными концами и с марганцево-черной поливой, а также резная

поливная терракота иных форм и плитки с остатками эпитафии на фоне растительного орнамента. По мнению исследователя, «построенный в небольшом селении мастерами сравнительно невысокого класса, он отражает степень

развития архитектуры своего времени. Сооружение мавзолеев и использование в их оформлении поливной терракоты в это время было, по-видимому, достаточно распространенным» (Пилипко 1985: 77).

Продолжая традицию дехистанских мавзолеев XI–XII вв., на том же кладбище Машад уже в позднем средневековье был построен самый крупный по габаритам октагональный мавзолей №7 (ил. 4, V). Грани его наружных стен гладкие, а внутри оформлены стрельчатыми нишами. Так же как и стоявший рядом круглый мавзолей №6, судя по разносортному кирпичу, явно взятому с различных построек средневекового Дехистана, мавзолей этот — поздний, с большой долей вероятности воздвигнутый в XVII–XVIII вв. (Пугаченкова 1958а: 294).

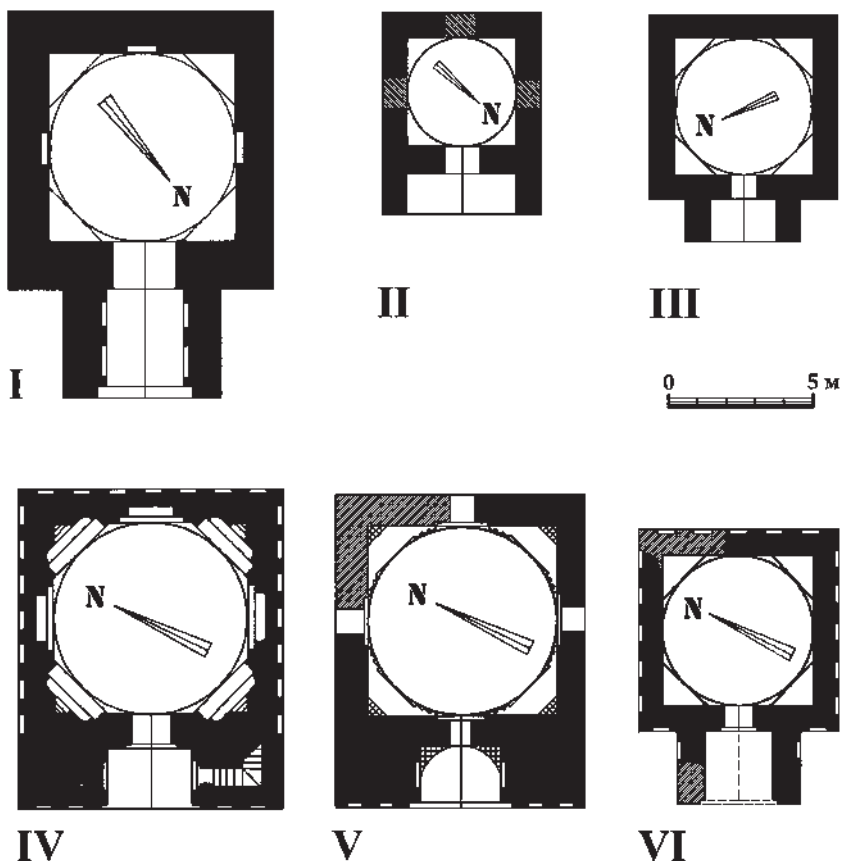
Восьмигранник, положенный в основу мемориальной постройки, несомненно, является латентным продолжением традиции, которая исходит от иерусалимского Купола Скалы. Но есть и очень редкие случаи, когда в основу плана положен шестигранник. Один из них — мавзолей Ергалия на некрополе Сейсента в Западном Казахстане (Мендикулов 1987: 68). Таков и миниатюрный мазар Дана-ата (ил. 4, IV), расположенный на одноименном кладбище в ущелье на северном склоне хребта Секиздаг — восточном отроге Большого Балхана, в 110 км к северо-востоку от современного туркменского города Балканабат. Мазар, достаточно грубо сложенный из местного камня-плитняка и покрытый изнутри белой алебастровой штукатуркой, находится в сильно руинированном состоянии, сохранность стен гексагона не превышает 2 м. Как ни странно, он даже не упомянут в подробном этнографическом описании этого некрополя (Поляков 1973: 74–76). Так как его эпоним — суфийский шейх, живший в этих

местах во второй половине XV — первой половине XVI в. (Демидов 2001: 36), очевидно, что и постройка поздняя. Сделана она неумело, геометрия плана не выдержана, что и обусловило ее недолговечность, несмотря на использование камня как основного строительного материала.

Гораздо более распространенным типом мавзолея в эпоху Восточно-сельджукского султаната и государства Хорезмшахов-Ануштегинидов был, конечно, квадратный в плане зал, перекрытый сфероконическим куполом, нередко двойным, с различными приемами перехода от четверика к восьмигранному очертанию подкупольной части. Самые известные северо-хорасанские памятники этого типа — мавзолей Аламбердара близ города Керки, мавзолей Абул Фазла в Серахсе, усыпальница Абу Саида Абул Хайра в Меана, мемориалы Мухаммеда ибн Зейда, Худайназар-овлия и султана Санджара в Мерве (Прибыткова 1974; Пугаченкова 1983; Hillenbrand 2012).

В соседнем с Нисой средневековым городке Куфен в 1927 г. был зафиксирован ныне утраченный анонимный мавзолей XI–XII вв. с массивными пропорциями, глубоким сводчатым вестибюлем и восьмигранным шатровым покрытием над квадратным центральным помещением. Его позднее туркменское название Шугундыр-баба, в русскоязычных источниках искаженно переданное как Чугундор (ил. 5, I). Вестибюль его имел кирпичный декор, интерьер — ганчевую штукатурку с росписями (Арбеков 1931: 45–48). Именно этот архитектурный тип мавзолея в постмонгольский период распространился в Хорезме, в северо-западной части Большого Хорасана и, особенно, в горных районах Копетдага. Наглядными примерами являются безымянные памятники в урочище Геок-гумбез

Ил. 5. Прямоугольные мавзолеи Северного Хорасана: I) Шугундыр-баба; II) Зенги-баба; III) Пару-ата; IV) Гёк-зумбез № 1; V) Гёк-зумбез № 2; VI) Гёк-зумбез № 3 (Пугаченкова 1958: 373, 375)

и более поздние постройки как в области Мерва, так и в других районах Ирана и Средней Азии. Их общая черта — сильно выдвинутые вперед порталы главных фасадов, образующие вестибюли-лоджи разной глубины, в местной терминологии именуемые персидским словом *айван* или, точнее, *эйван*.

Таким же был, вероятно, мавзолей Зенги-баба в покинутом в начале XX в. туркменском селении Мурче (ил. 5, II). Этот памятник, очень старый в своей основе, давно утратил свои оригинальные черты, сохранился только общий абрис пла-

на и единичные детали давно утраченного декора в виде глазурованных плиток резной терракоты с ярко-голубой и темно-синей поливой. Жженный кирпич-маломерок (20–21 × 20–21 × 4 см), использованный в его стенах, типичен для X–XI вв., но это могло быть всего лишь вторичное использование очень качественного материала: гораздо больше оснований видеть здесь мавзолей, полностью перестроенный на прежнем месте в XIII–XIV вв. (Пугаченкова 1958а: 369–371).

Тема глубокого сводчатого айвана в архитектуре Передней Азии, конеч-

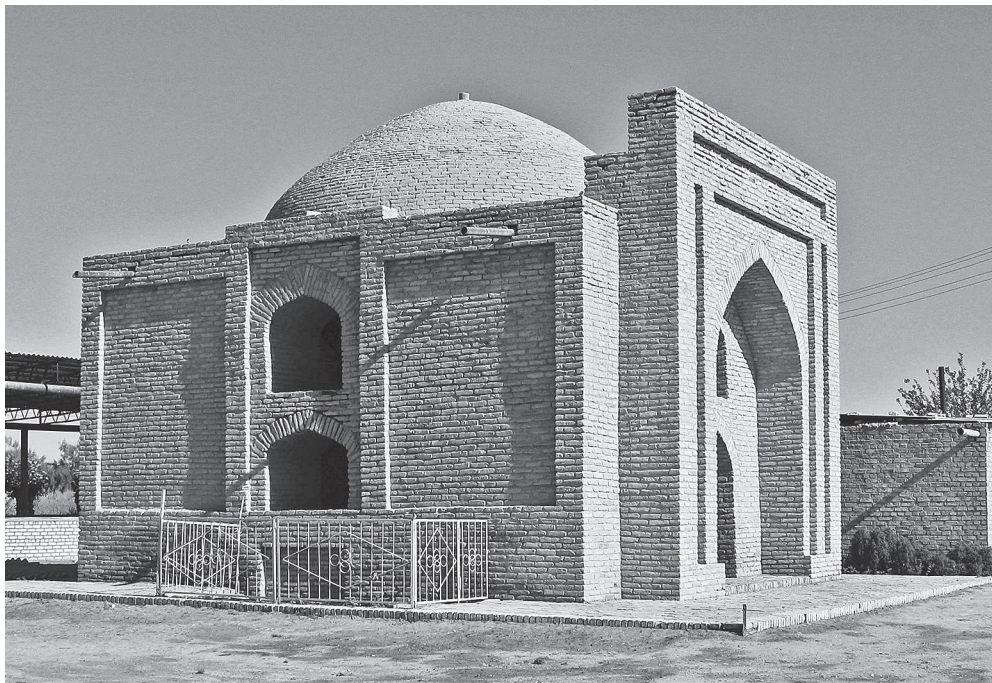

Ил. 6. Гёк-гумбез. Общий вид мавзолеев № 1–3. Фото Р.Г. Мурадова, 2010

но же, имеет давнюю традицию: достаточно вспомнить парфянские дворцы в Ашшуре, Кухи-Ходжа и, особенно, величественные руины сасанидских дворцов Атеш-Кадех (III в.) на юге Ирана или Таки-Кисра в Ктесифоне близ Багдада (VI в.). Но в монументальном зодчестве Средней Азии айваны получили развитие лишь в постмонгольскую эпоху, достигнув апогея при Тимуридах. Таковы хорасанские мавзолеи шейха Зайн-ад-Дина Абу Бакра в Тайбаде, шейха Ахмада Джамии в Торбете-Джаме, Харунии в Тусе, Лукман-баба в иранском Серахсе и многие другие. Наряду с этими крупными сооружениями, в целом хорошо изученными, в Северном Хорасане, ставшем в XIII–XVII вв. периферией сначала государства Хулагуидов, затем Тимуридской империи, а позже — державы Сефевидов, строились гораздо более скромные провинциальные мавзолеи.

Спустя несколько десятилетий после вторичного разрушения Мерва монголами в 1222 г., в пустыне примерно в 100 км к северо-западу от Мервского оазиса сложилось небольшое поселение, чье историческое название давно забыто, но с конца XV в. и по сей день оно именуется Геок-гумбез (в букваль-

ном переводе — «небесный, голубой купол»). Это топоним урочища, происходящий от расположенных в нем трех безымянных мавзолеев, которые по своим объемно-планировочным и конструктивным особенностям уверенно датируются XIII–XIV вв. (ил. 5, IV–VI). Исследователь видит в них сложение нового архитектурного типа, когда на смену центрическим усыпальницам предшествующего периода, иногда снабженным слабо развитым порталом, приходит портално-купольный мавзолей с подчеркнутой значительностью форм монументального пештака. Да и стоят они на одной линии, вдоль которой, судя по всему, пролегал освященный традицией путь паломников, совершающих *зиярат* (ил. 6). На этом основании выдвинуто предположение, что возведение всех трех памятников было подчинено идее ансамбля, и в качестве примера приводятся схожие ансамблевые композиции, характерны для рассматриваемой эпохи в Бухаре (мавзолей Сейф ад-дина Бохарзи и Буян-кули-хана) и в Самарканде (Шахи-Зинда). Высказывается мнение, что «памятники Геок-гумбеза красноречиво свидетельствуют о том, что даже на окраине культурных

Ил. 7. Имам Шафи после реставрации. Фото Р. Г. Мурадова, 2010

земель, где-то в провинциальном городке, в XIV в. в зодчестве Хорасана продолжается поступательное развитие, создаются новые формы и разрешаются сложные композиционные задачи» (Луначенкова 1958а: 371–379). Пожалуй, это преувеличение: едва ли здесь можно говорить о каких-то сложных композиционных задачах по сравнению с тем, как они решались в домонгольском Мерве и, тем более, в синхронных постройках Тимуридов. Но одно очевидно — айван в прямоугольном обрамлении, именуемый персидским термином *пештак* (дословно — «передняя арка») стал доминирующим элементом композиции не только мемориальных построек.

В постмонгольский период пештак превратился едва ли не в главную тему репрезентативной исламской архитектуры, получил самодовлеющее значение

и дожил до XX в., подчинив своей декоративной плоскости скрытый за ним реальный объем. Вопрос происхождения порталных форм в строительной культуре Средней Азии уже достаточно изучен (Хмельницкий 2013), а характерным примером провинциальной версии портално-купольной усыпальницы в Северном Хорасане служит еще один памятник, ныне известный среди местного населения как Имам Шафи³ (ил. 7). Это характерное сооружение XIV в., схематически

³ Название явно позднее, отражающее широко распространенный в Средней Азии обычай приписывать забытым могилам и ставшим безымянными старым мавзолеям имена знаменитых персонажей истории ислама. Так, Имам Шафи — это не кто иной, как Мухаммад аш-Шафии (767–820), известный в исламском мире богослов, основатель шафиитской правовой школы, в действительности похороненный в Египте.

повторяющее объемно-планировочное решение расположенного рядом домонгольского памятника, именуемого Имам Бакр (Джебаров, Мурадов 1999). Его помещение перекрыто куполом, опирающимся на тромпы, которые перемежаются с арочными оконными проемами. Тромпы выполнены в форме сомкнутого свода. Сама конструкция переходной зоны от восьмерика к окружности купола достаточно архаична и своеобразна: обычной П-образной рамы над арками нет, архивольты тромпов и промежуточных окон утоплены в оболочку купола. В целом интерьер мало чем отличается от интерьера третьего геокгумбезского мавзолея (ил. 5, VI). Более того, оба памятника имеют почти одинаково устроенный склеп с той лишь разницей, что если в Геок-гумбезе основной квадрат погребальной камеры был перекрыт сводом *балхи* очень пологого очертания, то в Имам Шафи купол с таким же низким подъемом выведен обычной кольцевой кладкой и передает нагрузку на четыре угловые опоры. Иными словами, здесь применен принцип щитовидных парусов, которые появились в XIV в.

Строители мнимого мавзолея Илама Шафи уже не владели виртуозной техникой кирпичной орнаментации, которой славились мастера сельджукской эпохи. Его строгое оформление, аскетизм стен, лишенных украшений и штукатурки, вполне в духе того архитектурного стиля, который пришел на смену прежней декоративности и существовал в XIV в. и позже параллельно с избыточной роскошью убранства репрезентативных городских построек Хорезма и Мавераннахра. Это стиль провинций, одной из которых стал Северный Хорасан после XIII в. Этот суровый стиль тектоничен, так как не скрывает правду конструкций, а возводит их в ранг эстетически осмысленного материала. Вот

почему художественная ценность подобных сооружений не менее весома, чем их историческая роль.

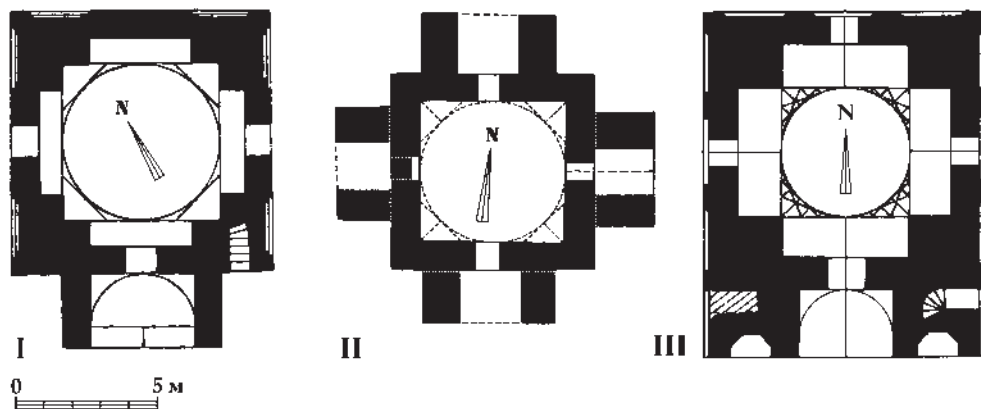
Но по мере углубления политической и экономической дестабилизации всей области в местной строительной практике шла неуклонная редукция в изначальном, латинском значении этого слова: откат назад, сведение сложного производственного процесса к более простому. Эта тенденция может быть проиллюстрирована на примере ряда частично уцелевших мавзолеев в узкой полосе старых оазисов между Каракумами и Копетдагом, а также в горных долинах и на окраине пустыни. Некоторые из этих памятников до сих пор не введены в научный оборот. По морфологическим признакам их можно условно разделить на две локальные этногеографические группы: сумбарскую и язырскую. Между ними прослеживается явная типологическая общность, но есть и различия, обусловленные прежде всего особым назначением некоторых мемориальных построек.

Сумбарская группа

Попытка придерживаться классических архитектурных и конструктивных приемов была предпринята строителями нескольких однокамерных мавзолеев XIV–XVIII вв. в долине маловодной реки Сумбар, расположенной в горах Копетдага⁴. Основу этих сельских памятников составляет планировочная схема, представляющая собой тот же чартак, но уже с дополнением в виде

⁴ Старыми насельниками этих мест были тюркские племена *гирейли*, *алили*, *магтым*, а с XVI в. здесь доминировало туркменское племя *гёклен*, представлявшее собой не единую кровнородственную группу, происходящую от того или иного предка, а конгломерат различных этнических групп древнего населения данного края (Овезов 1976: 30–51).

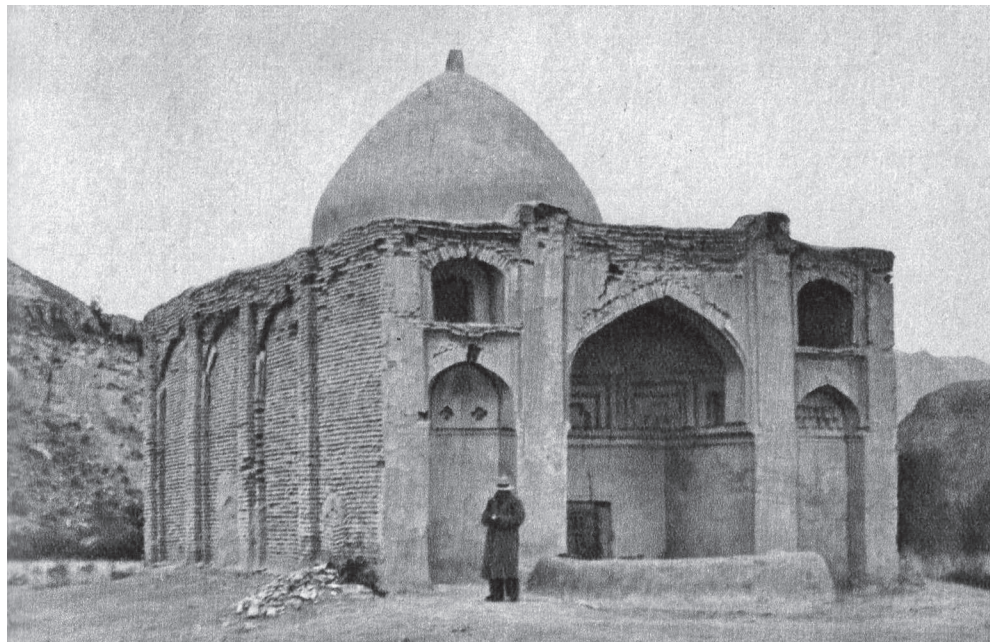
Ил. 8. Сумбарская группа мавзолеев: I) Ших Овезберды; II) Ших Аттар Вели; III) Магтым-мээзем

пештака. В 1956 г., когда они впервые попали в поле зрения исследователей, в аутентичном состоянии оставались всего два (Пугаченкова 1958б: 296–304). В туркменской традиции это святыни Ших-Овезберды и Магтым-мээзем. Если эпоним первого памятника совершенно забыт, хотя есть указание, что это был воин-гази (Овезов 1976: 178), то название второго фиксирует почетное прозвище суфийского шейха и одновременно правителя прикаспийской области Ирана, умершего в 1494/95 г. и известного также под именами Магсым-Агзам и Махзум Агзам Джурджани. Установлена даже точная дата завершения строительства его мавзолея — 1507/08 г. (Демидов 2001: 65). Она вполне соответствует и архитектурным особенностям здания.

В основе его плана — крестообразный зал с подкупольным квадратом (4,35 × 4,35 м) и нишами во всю его ширину (глубиной 1,5 м), прорезанными осевыми арочными проемами (ил. 8, III). Купол здесь двухслойный. Примечательна попытка создания обводной галереи: прием, распространенный в сельджукский период (XI–XII вв.), а функциональными корнями уходящий в доахеме-

нидскую эпоху. Три фасада оформлены совершенно одинаково тремя неглубокими стрельчатыми нишами, заключенными в прямоугольные рамы. Лишь южный фасад представляет собой пештак со стрельчатой аркой пролетом 3,5 м и глубоким (2,4 м) айваном. Слева и справа от него — миниатюрные двухярусные лоджии-ниши (ил. 9). К верхним лоджиям ведут две узкие винтовые лестницы, заключенные в устоях портала. Айван перекрыт конховым полукуполом, переход к нему от прямоугольной ниши сделан посредством довольно четко исполненных перспективно-рамных парусов (ил. 10). Убранство интерьера со всей очевидностью подтверждает возраст памятника: сферические промежутки между стрельчатыми завершениями арок четверика заполнены тремя рядами щитовидных парусов из литого ганча (ил. 11). Этот прием оформления подкупольной зоны типичен для тимуридской архитектуры и здесь представлена его поздняя, но вполне качественная реплика.

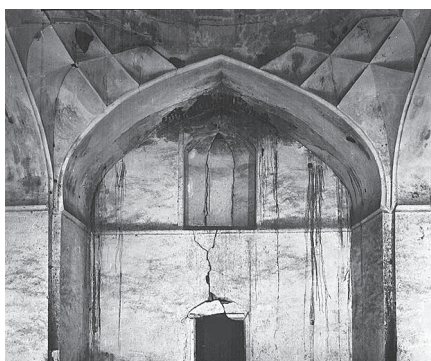
В 7 км к западу от Магтыма-мээззема находится мавзолей Ших-Овезберды, очень простой по композиции: прямоугольный параллелепипед (в плане

Ил. 9. Магтым-мээззэм. Общий вид. Фото 1956 г. Архив ЮТАКЭ

Ил. 10. Магтым-мээззэм. Перспективно-рамные паруса айвана. Фото 1956 г. Архив ЮТАКЭ

Ил. 11. Магтым-мээззэм. Щитовидные паруса. Фото 1956 г. Архив ЮТАКЭ

9 × 9 м), сверху сфероконический купол, а главный вход акцентирует выдвинутый на 2,5 м высокий в прошлом пештак (ил. 8, I). В результате самостоятельной реконструкции в 1983 г. давно разрушенная стрельчатая арка пештака, от которой сохранялся лишь небольшой фрагмент чуть выше пяты, приобрела со-

вершенно не свойственный этой архитектуре овальный абрис. В нише айвана сохранилось перекрытие в виде полукупола, основанного на арочках и консольных парусах «перспективного» типа, представляющих собой своеобразную систему трех отступающих рам — прямоугольного, ступенчатого и треугольного

очертания. В интерьере — традиционный ярус арочных парусов с трехдольным заполнением сферически-вогнутой зоны. На основании аналогии с мавзолеями урочища Геок-гумбез Г. А. Пугаченкова датировала эту святыню в пределах XIV — самого начала XV в., то есть она на целое столетие старше Магтыма-мээззема. Такой вывод как будто подкрепляется и разницей их подкупольных систем (Пугаченкова 1958б: 302–303).

Третий памятник этой группы, до недавнего времени еще сохранявший свой старый облик, в народной традиции называется Ших-Аттар Вели. Он был изучен лишь в 1990–1991 гг. в связи с разработкой проекта его реставрации, который так и не был осуществлен⁵. Здание стояло на сложном рельефе в живописной долине верхнего течения реки Сумбар, в 4 км восточнее села Кёнекесир, на самой границе с Ираном. Это однокамерная постройка центрального типа, высотой 13 м, увенчанная куполом с двойной сфероконической оболочкой на высоком барабане, опоясанном десятью простыми прямоугольными нишами (ил. 12). Со всех четырех сторон имелись пештаки, но три, кроме северного, были поздними, без связи с кладкой четверика, и выполняли роль контрфорсов. (ил. 8, II). Нижние ча-

⁵ Впоследствии усилиями местных жителей памятник был радикально перестроен, полностью утратив свою аутентичность. Его эпоним хорошо известен — это знаменитый персидский поэт-мистик Фарид ад-Дин Аттар Нишапури, оставивший большое литературное наследие. Прозвище «Аттар» означает «продавец благовоний». Известно, что всю жизнь он работал аптекарем в своем родном Нишапуре, где и похоронен в 1220 г. в весьма преклонном возрасте. Его поэмы в течение ряда столетий оставались нормативными произведениями суфийской литературы, а легенды о нем свидетельствуют о том высоком ранге, которого он удостоился в духовной традиции Ирана (Шиммель 1999: 236–241).

сти стен (до 2,5 м) сложены из местного грубо обтесанного камня, выше использован квадратный жженный кирпич (22 × 22 × 4,5 см) — это более мелкий стандарт, чем у Магтыма и Ших-Овезберды, из него же горизонтальными рядами кольцевой кладки сложены внутренняя и наружная купольные оболочки. Такой формат кирпича распространился еще в XI в. и изготавливался на протяжении как минимум трех столетий, поэтому не может служить индикатором более точного возраста памятника. Его первоначальные фасады ко второй половине XX в. были почти полностью утрачены, а тропово-парусный переход здесь типичный для этого региона еще с домонгольского времени. Но подкупольный барабан, составляющий чуть ли не половину высоты четверика, не имеет близких аналогов и характерен, скорее, для XIV–XVI вв. Шурфы, заложенные снаружи внутри мавзолея в ходе обмерных работ в 1990 г., также не дали никаких археологических материалов для определения времени его возведения.

Теперь уже невозможно узнать, какую структуру имел еще один средневековый мавзолей Сумбарской долины, именуемый в местной традиции Сейид Неджепи⁶. Он возвышался над рекой в 15 км западнее Аттара. От его надземной части не осталось никаких следов, а рядом недавно выстроен совершенно новый мавзолей, но хорошо сохранился старый склеп, почти такой же, как под вышеупомянутым мавзолеем Имама Шафи. Это *ляхат* — тесная катакомба, крестовидная в плане, с квадратной площадкой, перекрытой ложным сво-

⁶ Это не имя собственное, а прозвище, скрывшее табуированное имя какого-то авторитетного суфийского шейха. Сейит (араб. *сайид*) означает, что он потомок пророка Мухаммеда, Неджепи — *нисба*, указывающая, что он родом из иракского города Неджефа (Демидов 2001: 96).

Ил. 12. Ших Амтар Вели. Общий вид. Фото С. Овезбердыева, 1980 г.

дом из жженных кирпичей, поставленных на ребро, с четырьмя глубокими арочными альковами на главных осях и узким лазом-дромосом в одном из них. По этой аналогии можно заключить, что Сейид Неджепи также является объектом XIV в.

Язырская группа

Основная строительная деятельность в северо-западной части Копетдага и предгорной равнины связана со средневековым огузским племенем

Ил. 13. Гызыл-имам. Общий вид. Фото 1890-х гг. Фотоархив ИИМК РАН

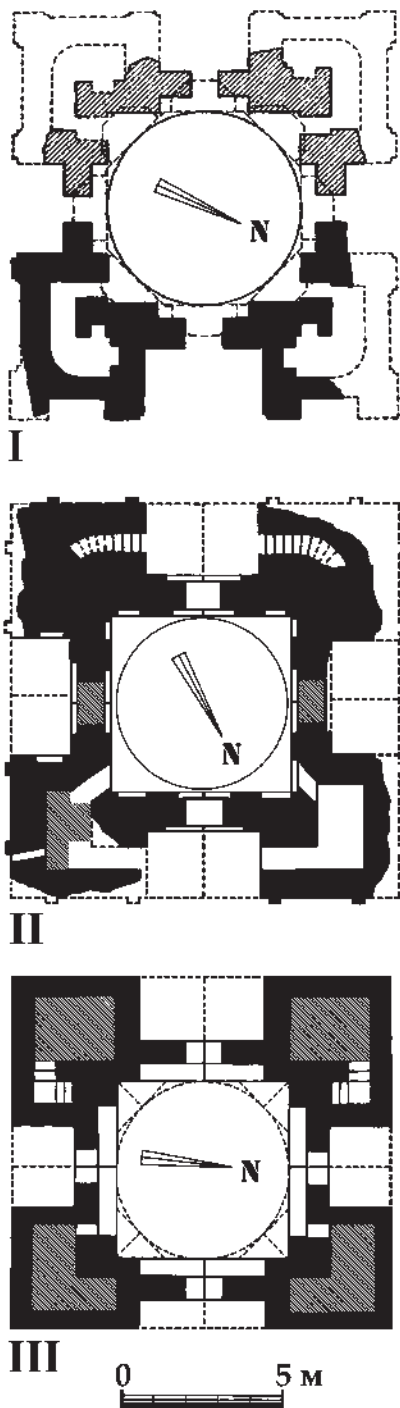
языр, которое занимало эту часть Хорасана еще до появления сельджуков в XI в. В постмонгольский период главным городом языров был Так-Языр, или Шехрислам, располагавшийся в пустыне в 20 км севернее современного туркменского города Бахарден. Вторым по величине в Язырском оазисе можно считать средневековый Дурун, почти примыкающий к Бахардену. Расцвет городской жизни был там в сельджукский период, а с XVI в. Дурун служил хорасанской резиденцией хивинских ханов. В этом городке, существующем и ныне под тем же названием, находятся два важных памятника.

Родство с Магтымом-мээзземом обнаруживает почти синхронный с ним мавзолей-ханака Гызыл-имам на южной окраине Дуруна, изученный в 1947 г. (Пугаченкова 1958а: 438–439). Здесь представлен развившийся при Тимуридах и стандартный для Сефевидского госу-

дарства квадратный план с айванами на главных осях. Гызыл-имам возведен целиком из жженого кирпича размером 24–25 × 24–25 × 4–5 см на ганчевом растворе и простоял в относительно целом виде достаточно долго (ил. 13). Но здесь представлен уже другой тип коммеморативного сооружения, основанный на совершенно иной архитектурной концепции: это так называемый «павильонный мавзолей» (ил. 14, I). Его монументальной предтечей можно назвать роскошную тимуридскую постройку над могилой Абу-Наср Парса в афганском Балхе, возведенную в семидесятые годы XV в. (Pougatchenkova 1981: 166–169; Golombek, Wilber 1988, Cat. No. 59; McChesney 2001), а самыми близкими по объемно-планировочной структуре — расположенные близ Герата ханака Мулла Калан в селении Зиаратгах и, особенно, ханака Садреддина Армани (Пугаченкова 1976: 78–79; O’Kane 1987: 265–

266, fig. 34.1–3; Golombek, Wilber 1988, Cat. No. 129 and No. 64). Эти памятники, совмещавшие функции гробницы и ханаки, задумывались как идиллическая обитель для душ погребенных святых. Она стояла посередине пышного сада, из четырех айванов открывался захватывающий вид на окрестности, соединяя центральный купольный зал с окружающим ландшафтом. Этот зал назывался *зикрхана* и предназначался для суфийских радений, а кельи-худжры по углам (*сарайча*) — для пребывания самих дервишей. Появление надгробия-кенотафа в подобных сооружениях, как правило, позднее, так как реальное погребение шейха-покровителя ханаки обычно устраивалось в склепе или где-то рядом. Имеется ли склеп в Гызыл-имаме, неизвестно — раскопки там никогда не проводились.

Гызыл-имам, почти центричный, с угловыми двухъярусными худжрами, с эпитафией и стенописью в интерьере зала, перекрытого плоско-эллиптической чашей купола и внешним куполом на высоком барабане, служит образцом архитектуры, типичной для ханаки и святынь, оформившихся на протяжении XV в. в государстве Тимуридов. Такая конфигурация плана знаменует возврат к доисламскому чартаку и в то же время демонстрирует тотальный отход от старой концепции мавзолея, чьи глухие стены исключали любой контакт с внешней средой. Система тропов и сетчатых парусов из ганча, как и у Магтыма-мээззема, позволяет уверенно датировать этот памятник первой половиной XVI в. К тому же на мраморной доске, вмозанной в стену, был указан 919 год хиджры, т.е. 1513 г. в пересчете на современное летосчисление (Васильев 1888: 8). Как любому периферийному объекту, возникшему на северной границе владений Сефевидов, ему далеко до блестящих построек

Ил. 14. Мавзолеи-ханаки. Планы: I) Гызыл-имам; II) Ак-имам; III) Джан-Эзиз-баба

Ил. 15. Ак-имам. Сохранившийся фрагмент эпиграфики. Фото Р. Г. Мурадова, 2019 г.

больших городов, но этот архитектурный тип получил дальнейшее развитие в Бухарском ханстве.

Через 200–300 лет по образу и подобию Гызыл-имама в 3-х км южнее был возведен, уже из сырцового кирпича, мавзолей Ак-имам⁷. Композиция его плана (ил. 14, II) в целом повторяет соседний памятник, но в конструкциях, по словам исследователя, «сильный регресс: взамен развитых систем сетчатых парусов, присущих архитектуре Средней Азии и Ирана XV–XVII вв., здесь налицо и примитивные приемы возведения купола на трюпах, вновь появляющихся в зодчестве XVIII–XIX вв., и характер-

⁷ Ак-имам, также как Гызыл-имам — агионимы, достаточно распространенные в Большом Хорасане. Эти ономастические концепты связаны с суфийской традицией табуирования имен собственных особо почитаемых шейхов. Кто был скрыт за данными двумя прозвищами, так и не установлено. Известен также этноним *гызыл-имам* — так назывался один из мелких родов туркменского племени *каи*, входившего в состав гёкленов.

ные для этой поры литые ганчевые архивольты» (Пугаченкова 1959: 256–357). В интерьере, некогда гладко оштукатуренном, в левой части пазухи свода одной из арок сохранился единственный фрагмент рельефной надписи арабским почерком *сульс* в технике резьбы по ганчу, исполненном очень профессионально, что дает основание предполагать здесь руку приглашенного каллиграфа (ил. 15). По содержанию это *ду‘а* — мольба, обращение к Аллаху — возможно, с цитатой из Корана. Верхняя строка не вполне внятная, а нижняя — обычная формула завершения *ду‘а*: “... милостью Твоей, о, Милостивейший из милостивых!”. Такая концовка *ду‘а* — редкость на памятниках. Это фраза, обычно произносимая после завершения какого-либо дела, либо в конце поминальных молитв⁸. Ак-имам — довольно редкий пример сырцовой постройки с эпиграфикой: лапидарность глиняной архитектуры практически исключает мелкую орнаментику — такую, например, как на фасадах сырцовых усадеб-*ховлы*, типичных для жилища XIX в. в узбекских районах от Самарканда до Средней Амударьи. Но в мемориальных глиняных постройках этого времени декор, столь характерный для мавзолеев развитого средневековья, либо утрачен ввиду эфемерной хрупкости материала, либо его не было вовсе.

Руины еще одного мавзолея-ханаки XVI в. находятся в 60 км восточнее Дуруна, в урочище Кумбетли-яйла близ современного города Геокдепе. Его местное название — Джан-Эзиз-баба⁹. По всем

⁸ Выражаю признательность д-ру ист. наук, профессору Б. М. Бабаджанову за перевод и толкование этого фрагмента эпиграфики.

⁹ Едва ли это имя собственное. Скорее всего, позднетуркменский агиантропоним, буквально означающий «милый, дорогой дед/старик/предок».

признакам этот памятник из того же ряда (ил. 14, III). Он был обследован в 1952 г., когда его купол и часть стен уже обрушились в результате ашхабадского землетрясения 1948 г. План снят лишь в основных контурах, так как здание до сих пор завалено грудями жженого кирпича. Снаружи видны остатки восьмерика былого барабана, а в интерьере зала хорошо сохранились четыре подпружные арки. Свод главного входа был, очевидно, оформлен в виде конхи: в углах уцелели тромпы в виде перспективно-сокращающихся трапециевидных арочек. Датировка памятника колеблется в пределах второй половины XV — XVI в. (*Лугаченкова* 1958а: 440–441).

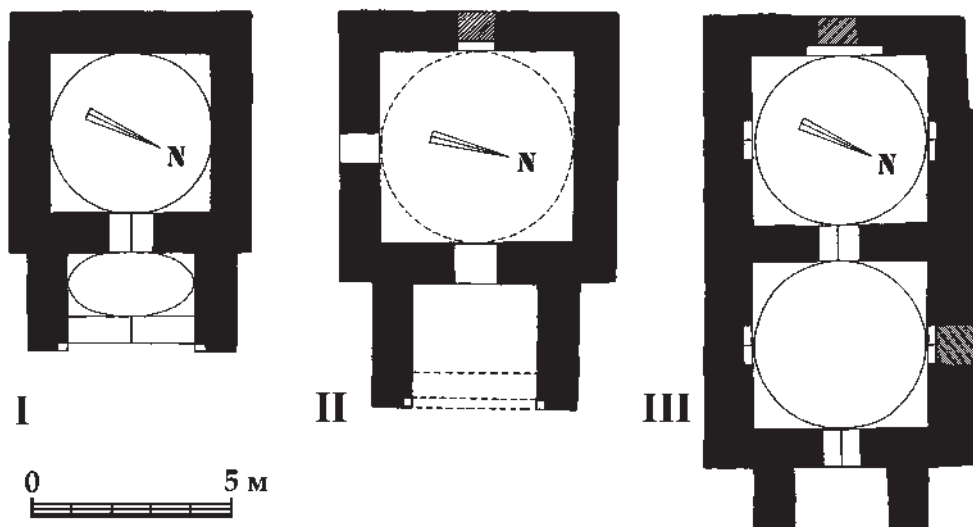
XVII в. отмечен появлением на этой территории еще целого ряда мемориальных комплексов, медресе и многочисленных реконструкций старых памятников, выполненных весьма грубо. Большинство из них давно исчезли, а те, что устояли в сильно обветшавшем состоянии, в ряде случаев подверглись радикальной перестройке в XX — начале XXI в. Среди руинированных объектов, еще сохраняющих аутентичность — безымянные мавзолеи с квадратным планом на кладбище Агар-убак в селении Гоч. Один из них, возведенный из жженого кирпича на каменном фундаменте, имел глубокий айван, аналогичный памятникам Сумбарской группы (*Лугаченкова* 1959: 357–358). Другой, целиком глиняный, повторял формы и конструкции первого: рудиментарная форма тромпов, ульеобразный купол. Такая подражательность вообще свойственна поздним мавзолеям Хорасана, хотя все попытки копировать ближайшие образцы были крайне ограничены материальными и профессиональными возможностями строителей. Вместо производства жженого кирпича они могли использовать лишь изделия, выбранные из ста-

рых построек, а сами делали сугубо сырец, высушенный на солнце.

Подобные пары — ранний оригинал и позднее повторение — кроме Гызыл-имама и Ак-имама есть еще на одном средневековом некрополе, который образовался на территории археологического городища Ферова в 20 км западнее современного города Сердара. Единственная постройка, частично уцелевшая там, это мавзолей Параута, представляющий собой массив квадратного основания, несущего восьмерик. Когда-то на него опирался отлогий сфероконический купол. Мавзолей построен из жженого кирпича разных размеров, на каменном фундаменте, вход был подчеркнут выдвинутым сводчатым айваном (ил. 5, III). Хронологическая атрибуция этого памятника оказалась неразрешимой задачей для исследователей: с одной стороны, тип тромповой системы и внешний облик напоминают хорасанские мавзолеи XI–XII вв., а с другой — здания такого типа строились там и гораздо позже. Такие же сомнения порождает стоявший в 300 м от Параута безымянный мавзолей, сложенный из разносортного жженого кирпича, похожий на него планом и конструкцией парусов (*Лугаченкова* 1958а: 299–301; *Хмельницкий* 1996: 203–204). Его имитационный характер нарушает лишь высокий параболический купол и слишком развитый пештак.

Вообще архитектурные реплики, как давно замечено, «возникают в периоды бессилия архитектурной мысли и ограниченных практических возможностей» (*Ноткин* 1962: 161). Это нагляднее всего видно в Хорезме, при сравнении мавзолея Тюрабек-ханым — безусловного шедевра золотоордынского зодчества, и его уменьшенной и упрощенной копии в том же Куны-Ургенче — мавзолея Султан-Али (XIX в.). Разница выражается,

Ил. 16. Урочище Пақыр-ших. Планы: I) мавзолей № 1; II) мавзолей № 2; III) мавзолей № 3

прежде всего, в приемах устройства подкупольного яруса. В отличие от классического метода, в поздних постройках арочные паруса мельчают и не подготавливают куполу круглого основания, что ухудшает его статические свойства. Не удивительно, что все эти имитации классики оказались менее долговечными, чем их замечательные прототипы.

В межгорье Кара-яйла к юго-востоку от Феравы находится урочище Пақыр-ших, расположенное у подножия горы Мюннюш, входящей в горную систему Копетдага. Там сохранились руины каменной крепости Языр-кала и рядом, на территории обширного некрополя, — три небольших безымянных мавзолеев, которым также присвоены порядковые номера (ил. 16). Все они однотипные, имеют глубокие айваны и ориентацию входа на восток. Первый мавзолей однокамерный, с четырехцентровой аркой, в европейской терминологии это тип «тюдор» (ил. 17). Над айваном сохранился пологий купол с редкой формой основания — в виде эллипса. Основ-

ная часть стен этого памятника сложена из камня-плитняка, но оба купола, арка и пилоны айвана — из жженого кирпича форматом $22 \times 22 \times 6$ см. Второй мавзолей тоже имеет вкрапления такого кирпича, а третий мавзолей, двухкамерный, почти полностью из камня, только дверные проемы перекрыты ланцетобразными кирпичными арками (ил. 18). Кладка его стен — из необработанных каменных плит неправильной формы, на глиняном растворе. Со временем вымывание раствора из швов кладки ускорило коллапс куполов этой и других подобных построек.

Никаких датирующих признаков пақыршихские мавзолеи не имеют. Можно лишь предположить, что они не такие старые, как памятники Феравы. Минимальное применение жженого кирпича свидетельствует о его однозначно вторичном использовании и дефиците в условиях этой горной местности, где в изобилии имеется камень-плитняк. Судя по тому, что все три мавзолея давно заброшены, лишены культа и факти-

Ил. 17. Урочище Пақыр-ших. Мавзолей №1. Общий вид. Фото Р.Г. Мурадова, 2016 г.

чески стали анахронизмами, принадлежали они, скорее всего, заурядным светским персонам, тогда как расположенные рядом могилы суфия Пақыр-шиха — эпонима этого некрополя, а также его тестя — племенного вождя Языр-хана, живших, согласно местным преданиям, в XIII–XIV вв., чтимы по сей день. До недавнего времени на месте их погребения была обычная *хазира* — два надгробия под открытым небом, обнесенные каменной оградой (Поляков 1973: 27). Теперь вместо нее возведен современный купольный мавзолей.

***

Даже беглого обзора достаточно, чтобы констатировать: строительные традиции Северного Хорасана имеют вполне выраженный локальный характер. Они во многом сближаются с вернакуляром соседних районов Ирана и более отдаленных областей Казахстана и Туркменистана, что не удивительно, если принять во внимание позднесредневековые миграции туркменских племен.

Ил. 18. Урочище Пақыр-ших. Мавзолей №3. Дверные проёмы с ланцетовидными арками. Фото Р.Г. Мурадова, 2016 г.

Все названные памятники располагались в небольших селах и городках, еще сохранявших жизнеспособность в то время, когда большинство старых земледельческих оазисов прекратили существование во многом из-за дефицита воды. В этих поселениях отсутствовали условия для поддержания полузабытых, изживающих самих себя градостроительных традиций. Мастерам, стесненным консерватизмом заказчиков — правящей элиты и духовенства — оставалось лишь пытаться копировать классические схемы. Но и поддержание внешней репрезентабельности было невозможным из-за общего упадка экономики и утраты профессиональных корпораций мастеров строительного дела. Несложными по исполнению стали конструкции, уменьшились размеры построек, употреблялись дешевые и некачественные строительные материалы, вместо жженого кирпича опять, как в древности, начали господствовать сырец и природный камень. Фактически в течение одного лишь XVI столетия произошел возврат от сверкающей полихромии глазурированных облицовочных плиток и наборной кашинной мозаики к суровой монохромии глиняных и каменных стен. В XVII в. фольклорные мотивы уже доминировали в архитектуре Северного Хорасана. Тем не менее, несмотря на резкое снижение качества строительной техники, редукцию сводчато-купольных конструкций, названные объекты все же обладают цельностью образа, достигнутой благодаря единству материала и гомогенной визуальной среде сельского ландшафта.

Возврат к более простым и архаичным формам, конструкциям и материалам можно наблюдать не только на примере северохорасанских мавзолеев. Точно так же деградировали все остальные типы стационарных сооружений —

от фортификационных до жилых. Но они исчезли почти бесследно, так как не было никакой функциональной потребности их сохранения. И только мемориальные постройки, хотя изредка и поддерживались ремонтами, все-таки не слишком пострадали даже в период советской власти, объявившей тотальную войну местной культовой практике. Народный ислам, на протяжении многих веков бытующий в Средней Азии и объединивший жесткие нормы шариата с мощным доисламским, языческим субстратом, включает широко распространенный в этом регионе культ святых. Атеистическая пропаганда в XX в. не смогла перебороть религиозные чувства местных мусульман, для которых нет никакого противоречия между идеей единобожия и почитанием необъятного пантеона святых (Басилов 1998: 9). Вот почему коммеморативные структуры, даже самые ветхие, сохранились на территории старых мусульманских некрополей, медленно разрушаясь лишь под воздействием природных факторов или подвергаясь такой радикальной реконструкции, что от прежних исторических построек не остается и следа.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Ажигали* 2002 — *Ажигали С.Е.* Архитектура кочевников — феномен истории и культуры Евразии (памятники Арало-Каспийского региона). Алматы: Гылым, 2002.
- Арбеков* 1931 — *Арбеков П.В.* Чугундор // Древности Абивердского района (Труды Среднеазиатского государственного университета. Серия II *Orientalia*. Вып. 3). Ташкент: Институт Туркменской культуры, 1931. С. 44–48.
- Басилов* 1970 — *Басилов В.Н.* Культ святых в исламе. М.: Мысль, 1970.
- Бородина* 1974 — *Бородина И.Ф.* Особенности формирования мемориальных сооружений Средней Азии X–XV вв. // Ар-

- хитектурное наследство. 1974. № 22. С. 117–127.
- Бородин* 1985 — *Бородин И. Ф.* Типология среднеазиатских мавзолеев XI–XV вв. // Архитектурное наследство. 1985. № 33. С. 157–164.
- Васильев* 1888 — *Васильев П. С.* Ахалтекинский оазис, его прошлое и настоящее. СПб.: издал В. Березовский, 1888.
- Воронина* 1969 — *Воронина В. Л.* Архитектура Средней Азии XVI–XVII вв. // ВИА, т. 8. М.: Стройиздат, 1969. С. 304–331.
- Демидов* 2001 — *Демидов С. М.* Дана-ата; Магтым-мээззем; Сейит Неджепи; Ших Алов // Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь Вып. 3. М.: Восточная литература, 2001. С. 36, 65, 95–96, 122–123.
- Джебаров, Мурадов* 1999 — *Джебаров Р., Мурадов Р. Г.* Северо-хорасанские мавзолеи Имам Бакр и Имам Шафи // Культурные ценности. Международный ежегодник 1997–1998. СПб.: Европейский Дом, 1999. С. 137–152.
- Жуковский* 1894 — *Жуковский В. А.* Древности Закаспийского края. Развалины Старого Мерва. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1894.
- Зиливинская* 2014 — *Зиливинская Э. Д.* Архитектура Золотой Орды. Часть 1. Культурное зодчество. Казань: Отечество, 2014.
- Литвинский* 1979 — *Литвинский Б. А.* Среднеазиатский центрический мавзолей. Проблема генезиса // Этнография и археология Средней Азии. М.: Наука, 1979. С. 65–70.
- Литвинский, Зеймаль* 2010 — *Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И.* Буддийский монастырь Аджина-тепа (Таджикистан). Раскопки. Архитектура. Искусство. СПб.: Нестор-история, 2010.
- Лыкошин* 1895 — *Лыкошин Н. С.* Кодекс приличий на мусульманском Востоке. Сборник. Пер. с турк. Ташкент: Типо-литография дома «Ф. и Г. Бр. Каменские», 1895.
- Мамедов* 2014 — *Мамедов М. А.* Архитектура Южного Туркменистана: этапы становления и преемственность традиций // Искусство и архитектура Туркменистана. Научные сообщения. Вып. 3. Ашхабад: Туркменская государственная издательская служба, 2013. С. 103–120.
- Маньковская* 1980 — *Маньковская Л. Ю.* Типологические основы зодчества Средней Азии (IX — начало XX в.). Ташкент: Фан, 1980.
- Маньковская* 1983 — *Маньковская Л. Ю.* Мемориальное зодчество Средней Азии // Художественная культура Средней Азии IX–XIII вв. Ташкент: Изд-во им. Гафура Гуляма, 1983. С. 30–48.
- Массон* 1949 — *Массон М. Е.* Городища Нисы в селении Багир и их изучение // Труды ЮТАКЭ, т. I. Ашхабад: Изд-во Туркменского филиала АН СССР, 1949. С. 16–115.
- Мендикулов* 1987 — *Мендикулов М.* Памятники народного зодчества Западного Казахстана. Алма-Ата: Онер, 1987.
- Ноткин* 1962 — *Ноткин И. И.* Малоизвестные памятники хорезмского зодчества // Искусство зодчих Узбекистана. Вып. 1. Ташкент: Изд-во АН Узбекской ССР, 1962. С. 143–177.
- Овезов* 1976 — *Овезов Д. М.* Население долины Чандыра и среднего течения Сумбара. Ашхабад: Ылым, 1976.
- Пилипко* 1985 — *Пилипко В. Н.* Искбирденский мавзолей // Известия АН Туркменской ССР, серия общественных наук. 1985. № 5. С. 69–77.
- Пилявский* 1949 — *Пилявский В. И.* Сырцовые сооружения Древнего Мерва // Новые исследования по истории архитектуры народов СССР (Сообщения ИИТА, вып. 8). М.: Изд-во Академии архитектуры СССР, 1949. С. 47–72.
- Поляков* 1973 — *Поляков С. П.* Этническая история Северо-Западной Туркмении в Средние века. М.: МГУ, 1963.
- Прибыткова* 1973 — *Прибыткова А. М.* Строительная культура Средней Азии в IX–XII вв. М.: Стройиздат, 1973.
- Прибыткова* 1974 — *Прибыткова А. М.* Архитектурная школа Северного Хорасана X–XI вв. // Архитектурное наследство. 1974. № 22. С. 108–116.
- Пугаченкова* 1958а — *Пугаченкова Г. А.* Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма // Труды ЮТАКЭ, т. VI. М.: Изд-во АН СССР, 1958.
- Пугаченкова* 1958б — *Пугаченкова Г. А.* Новые материалы к истории архитектуры Турк-

- менистана // Труды ЮТАКЭ, т. VIII. Ашхабад: Изд-во АН Туркменской ССР, 1958. С. 283–312.
- Пугаченкова 1959 — Пугаченкова Г.А. Этнографические памятники туркменской народной архитектуры // Труды ЮТАКЭ, т. IX. Ашхабад: Изд-во АН Туркменской ССР, 1959. С. 347–373.
- Пугаченкова 1961 — Пугаченкова Г.А. Мавзолей Абдуллы ибн Бурейды // Известия АН Туркменской ССР, серия общественных наук. 1961. № 2. С. 29–35.
- Пугаченкова 1976 — Пугаченкова Г.А. Зодчество Центральной Азии. XV век. Ведущие тенденции и черты. Ташкент: Изд-во им. Гафура Гуляма, 1976.
- Пугаченкова 1983 — Пугаченкова Г.А. Хорасанские мавзолеи // Художественная культура Средней Азии IX–XIII вв. Ташкент: Изд-во им. Гафура Гуляма, 1983. С. 14–29.
- Хмельницкий 1992 — Хмельницкий С. Между арабами и тюрками. Архитектура Средней Азии IX–X вв. Берлин — Рига: Continent, 1992.
- Хмельницкий 1996 — Хмельницкий С. Между Саманидами и монголами. Архитектура Средней Азии XI — начала XIII вв. Часть I. Берлин — Рига: Gatajūn, 1996.
- Хмельницкий 2013 — Хмельницкий С. Конструкция и орнамент. Берлин: Sawadowskaja Verlag, 2013.
- Шиммель 1999 — Шиммель А. Мир исламского мистицизма. Пер. с англ. М.: Алетейа, Энигма, 1999.
- Эварницкий 1893 — Эварницкий Д.И. Путеводитель по Средней Азии от Баку до Ташкента в археологическом и историческом отношении. Ташкент: [Издано на средства, ассигнованные туркестанским генерал-губернатором], 1893.
- Annanesov 2003 — Annanesov M. The Turks and the History of Civilizations of Central Asia. Vol. V. Development in contrast: from the sixteenth to the mid-nineteenth century. Paris: UNESCO Publishing, 2003. P. 127–140.
- Godard 1938 — Godard A. Les monuments du feu // Athar-e Iran. Annales du service archéologique de Iran. Tome III. Paris: Edité par Paris Librairie Orientaliste Paul Geuthner, 1938. P. 7–80.
- Golombek, Wilber 1988 — Golombek L., Wilber D. The Timurid Architecture of Iran and Turan. Vol. I–II. Princeton: Princeton University Press, 1988.
- Grabar 1966 — Grabar O. The Earliest Islamic Commemorative Structures, Notes and Documents // Ars Orientalis. The Arts of Islam and the East. Vol. 6. Berlin: Printed by Bruder Hartmann Publ., 1966. P. 7–46.
- Erdmann 1941 — Erdmann K. Das iranische Feuerheiligtum. Leipzig: J. C. Hinrichs, 1941.
- Haji-Qassemi 2010 — Haji-Qassemi K. (ed.). Ganjnameh. Cyclopædia of Iranian Islamic Architecture. Vol. 11. Emamzadehs and Mausoleums. Part I–III. Tehran: Shahid Beheshti University, 2010.
- Herzfeld 1935 — Herzfeld E. Archaeological History of Iran. London: Oxford University Press, 1935.
- Hillenbrand 1994 — Hillenbrand R. Islamic Architecture: Form, function and meaning. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1994.
- Hillenbrand 2012 — Hillenbrand R. The Seljuq Monuments of Turkmenistan // The Seljuqs. Politics, Society and Culture. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2012. P. 277–308.
- Huff, O’Kane 2012 — Huff D., O’Kane B. ČAHĀRTĀQ // Encyclopædia Iranica, IV/6, pp. 634–642, available online at <http://www.iranicaonline.org/articles/cahartaq> (accessed on 30 December 2012).
- Leisten 1990 — Leisten Th. Between Orthodoxy and Exegesis: Some Aspects of Attitudes in the Shari’a toward Funerary Architecture // Muqarnas. An Annual on Islamic Art and Architecture. Vol. 7. Leiden: Brill, 1990. P. 12–22.
- Leisten 1998 — Leisten Th. Architektur für Tote. Bestattung in architektonischem Kontext in den Kernländern der islamischen Welt zwischen 3./9. und 6./12. Jahrhundert. Berlin: Verlag von Dietrich Reimer, 1998.
- McChesney 2001 — McChesney R. D. Architecture and Narrative: The Khwaja Abu Nasr Parsa Shrine. Part 1: Constructing the Complex and Its Meaning, 1469–1696 // Muqarnas. An Annual on Islamic Art and Architecture. Vol. 18. Leiden: Brill, 2001. P. 94–119.
- O’Kane 1987 — O’Kane B. Timurid Architecture in Khurasan. Costa Mesa: Mazda Publishers, 1987.

Pougatchenkova 1981 — Pougatchenkova G. Chefs-d'oeuvre d'architecture de l'Asie central XIVe–XVe siècle. Paris: Les presses de l'UNESCO, 1981.

Rante 2015 — Rante R. “Khorasan Proper” and “Greater Khorasan” within a politico-cultural framework // Greater Khorasan. History, Geography, Archaeology and Material Culture. Studies in the History and Culture of the Middle East, vol. 29. Berlin & Munich & Boston: Walter de Gruyter, 2015. P. 9–26.

Schippmann 1971 — Schippmann K. Die iranischen Feuerheiligtümer. Berlin — New York: de Gruyter, 1971.

REFERENCES

Azhigali S. *Arhitektura kochevnikov — fenomen istorii i kulturey Evrazii: pamiatniki Aralo-Kaspiiskogo regiona (Nomad Architecture — a Phenomenon of the History and Culture of Eurasia: Monuments of the Aral-Caspian Region)*. Almaty: Gylym Publ., 2002 (in Russian).

Arbekov P.V. Chugundor. *Drevnosti Abiverdskogo raiona (Antiquities of the Abiverd region. Proceedings of the Central Asian State University. Series II Orientalia. Issue 3)*. Tashkent: Institut Turkmenskoi kulturey Publ., 1931, pp. 44–48 (in Russian).

Basilov V.N. *Kult sviatykh v islama (The Cult of Saints in Islam)*. Moscow: Mys'I Publ., 1970 (in Russian).

Borodina I.F. Osobennosti formirovaniia memorialnykh sooruzhenii Srednei Azii X–XV vekov. (Features of the Formation of Memorial Structures of Central Asia of the 10th–15th cent.). *Arhitekturnoe nasledstvo (Architectural Heritage)*, 1974, no. 22, pp. 117–127 (in Russian).

Borodina I.F. Tipologiiia sredneaziatskikh mavzoleev XI–XV vv. (Typology of Central Asian Mausoleums of the 11th–15th cent.). *Arhitekturnoe nasledstvo (Architectural Heritage)*, 1985, no. 33, pp. 157–164 (in Russian).

Vasiliev P.S. *Ahaltekinskii oasis, ego proshloe i nastoiashee (Akhal-Teke Oasis, its Past and Present)*. Saint Petersburg: izdal V. Berезovskii Publ., 1888 (in Russian).

Voronina V.L. *Arhitektura Srednei Azii XVI–XVII vv. (Architecture of Central Asia of the*

16th–17th cent.). *Vseobschaia istoriia arhitektury (History of World Architecture)*, vol. 8. Moscow: Stroiizdat Publ., 1969, pp. 304–331 (in Russian).

Demidov S.M. Dana-ata; Magtym-muazzem; Seyit Nejeji; Shih Alow. *Islam na territorii byvshei Rossiiskoi imperii. Enziklopedicheskii slovar (Islam in the Former Russian Empire. Encyclopedic Lexicon)*. Fascicle 3. Moscow: Vostochnaia Literatura Publ., 2001, pp. 36, 65, 95–96, 122–123 (in Russian).

Jepbarov R., Muradov R.G. Severo-horasanskie mavzolei Imam Bakr i Imam Shafi (North Khorasan Mausoleums of Imam Bakr and Imam Shafi). *Kulturnye tsennosti. Mezhdunarodnyi ezhegodnik (Cultural Values. International Annual) 1997–1998*. Saint Petersburg: Evropeiskii Dom Publ., 1999, pp. 137–152 (in Russian).

Zhukovsky V.A. *Drevnosti Zakaspiiskogo kraia. Razvalina Starogo Merva (Antiquities of the Trans-Caspian region. The ruins of the Old Merv)*. Saint Petersburg: Tipografiia glavnykh udelov Publ., 1894 (in Russian).

Zilivinskaya E.D. *Arhitektura Zolotoi Ordy. Chast 1. Kultovoe zodchestvo (Golden Horde Architecture. Part 1. Cult architecture)*. Kazan: Otechestvo Publ., 2014 (in Russian).

Litvinsky B.A. *Sredneaziatskii tsentricheskii mavzolei. Problema genezisa (Central Asian Centric Mausoleum. The Genesis Problem)*. *Etnografiia i arheologiiia Srednei Azii (Ethnography and Archeology of Central Asia)*. Moscow: Nauka Publ., 1979, pp. 65–70. (in Russian).

Litvinsky B.A., Zeimal' T.I. *Buddiskii monastyr' Ajina-tepa, Tajikistan: Raskopki. Arhitektura. iskusstvo (The Buddhist Monastery of Ajina-tepa, Tajikistan: Excavations. Architecture. Art)*. Saint Petersburg: Nestor-Historia Publ., 2010 (in Russian).

Lykoshin N.S. *Kodeks prilichii na musulmanskom Vostoke (Code of propriety in the Muslim East)*. Translation from Turki. Tashkent: Tipolito-grafiia doma “F. i G. Br. Kamenskii” Publ., 1895 (in Russian).

Mamedov M.A. *Arhitektura luzhnogo Turkmenistana: etapy stanovleniia i preemstvennost' traditsii (Architecture of Southern Turkmenistan: Stages of the Formation and Continuity of the Traditions)*. *Iskusstvo*

- i arhitektura Turkmewnistana. Nauchnye soobscheniia, (The Art and Architecture of Turkmenistan. Scientific reports). Issue 3. Ashgabat: Turkmen State Publishing Service Publ., 2013, pp. 103–120 (in Russian).*
- Man'kovskaya L. lu. *Tipologicheskoe osnovy zodchestva Srednei Azii (9 — nachalo 20 v.) (Typological basis of the Architecture of Central Asia (9th — early 20th cent.)).* Tashkent: Fan Publ., 1980 (in Russian).
- Man'kovskaya L. lu. *Memorial'noe zodchestvo Srednei Azii (Memorial Architecture of Central Asia). Khudozhestvennaia kul'tura Srednei Azii IX–XV vekov (The Art Culture of Central Asia of the 9th–15th cent.)* Tashkent: Gafur Gulyam Publ., 1983, pp. 30–48 (in Russian).
- Masson M. E. *Gorodischa Nisy v selenii Bagir i ikh izuchenie (Sites of Nisa in the Bagir village and their study). Trudy YuTAKE (Proceedings of the South Turkmenistan Archaeological Complex Expedition), vol. 1.* Moscow: Turkmenskii filial AN SSSR Publ., 1949, pp. 16–115 (in Russian).
- Mendikulov M. *Pamiatniki narodnogo zogchestva Zapadnogo Kazakhstana (Monuments of Folk Architecture of Western Kazakhstan).* Alma-Ata: Oner Publ., 1987 (in Russian).
- Notkin I. I. *Maloizvestnye pamiatniki khorezmskogo zodchestva (Little-Known Monuments of Khorezm Architecture). Iskusstvo zodchikh Uzbekistana (Art of Architects of Uzbekistan), vol. 1.* Tashkent: AN Uzbekskoi SSR Publ., 1962, pp. 143–177 (in Russian).
- Ovezov D. M. *Naselenie doliny Chandyra i srednogo techeniia Sumbara (The Population of the Chandyr Valley and the Middle Reaches of Sumbar River).* Ashgabat: Ylym Publ., 1976 (in Russian).
- Pilipko V. N. *Isbirdenskii mavzolei (Mausoleum of Isbirden). Izvestiia Akademii nauk Turkmewnistana, seriia obschestvennykh nauk (News of the Academy of Sciences of Turkmenistan, series of humanities), no 5, 1985, pp. 69–77 (in Russian).*
- Pilyavsky V. I. *Syrtsovye sooruzheniia Drevnego Merva (Clay Structures of the Ancient Merv). Novye issledovaniia po istorii arhitektury narodov SSSR. Soobscheniia IITA, vypusk 8 (New Studies on the History of the Architecture of the Peoples of the USSR. IITA Messages, issue 8).* Moscow: Akademia Arhitektury SSSR Publ., 1949, pp. 47–72 (in Russian).
- Polyakov S. P. *Etnicheskaia istoriia Severo-Zapadnoi Turkmnii v Srednie veka (Ethnic History of Northwest Turkmenistan in the Middle Ages).* Moscow: MGU Publ., 1963 (in Russian).
- Pribytkova A. M. *Stroitel'naia kul'tura Srednei Azii v IX–XII vv. (Building Culture of Central Asia of the 11th–12th cent.).* Moscow: Stroizdat Publ., 1973 (in Russian).
- Pribytkova A. M. *Arhitekturnaia shkola Severnogo Khorasana X–XI vv. (Architectural School of North Khorasan of the 10th–11th cent.). Arkhitekturnoe nasledstvo (Architectural heritage), no. 22, 1953, pp. 108–116 (in Russian).*
- Pugachenkova G. A. *Puti razvitiia arhitektury luzhnogo Turkmewnistana pory rabovladieniia i feodalizma (Ways of Development of the Architecture of Southern Turkmenistan in the Period of Slavery and Feudalism). Trudy YuTAKE (Proceedings of the South Turkmenistan Archaeological Complex Expedition), vol. 6, ed. M. E. Masson.* Moscow: AN SSSR Publ., 1958 (in Russian).
- Pugachenkova G. A. *Novye materialy k istorii arhitektury Turkmewnistana (New Materials for the History of Architecture of Turkmenistan). Trudy YuTAKE (Proceedings of the South Turkmenistan Archaeological Complex Expedition), vol. 8, ed. M. E. Masson.* Ashgabat: AN Turkmenskoy SSR Publ., 1958, pp. 283–312 (in Russian).
- Pugachenkova G. A. *Etnograficheskie pamiatniki turkmenskoi narodnoi arhitektury (Ethnographic Monuments of Turkmen Folk Architecture). Trudy YuTAKE (Proceedings of the South Turkmenistan Archaeological Complex Expedition), vol. 8, ed. M. E. Masson.* Ashgabat: AN Turkmenskoi SSR Publ., 1959, pp. 347–373 (in Russian).
- Pugachenkova G. A. *Mavzolei Abdully ibn Bureidy (Mausoleum of Abdulla ibn Bureyda). Izvestiia Akademii nauk Turkmewnistana, seriia obschestvennykh nauk (News of the Academy of Sciences of Turkmenistan, Series of Humanities), 1961, no. 2, pp. 29–35 (in Russian).*
- Pugachenkova G. A. *Zodchestvo Tsentral'noi Azii. XV vek. Vedushchie tendentsii i cherty (Architecture of Central Asia. XV century. Leading trends and features).* Tashkent: Gafur Gulyam Publ., 1976 (in Russian).

- Pugachenkova G.A. Khorasanskie mavzolei (Khorasan Mausoleums). *Khudozhestvennaia kul'tura Srednei Azii IX–XV vekov (The Art Culture of Central Asia of the 9th–15th cent.)* Tashkent: Gafur Gulyam Publ., 1983, pp. 14–29 (in Russian).
- Khmel'nitsky S. *Mezhd u arabami i tiurkami. Arkhitektura Srednei Azii 9–10 vekov (Between the Arabs and the Turks. Architecture of Central Asia of the 9th–10th centuries)*. Berlin — Riga: Continent Publ., 1992 (in Russian).
- Khmel'nitsky S. *Mezhd u Samanidami i mongolami. Arkhitektura Srednei Azii 11 — nachala 13 veka. Chast' I. (Between the Samanids and the Mongols. Architecture of Central Asia of the 11th — the beginning of the 13th centuries)*. Berlin — Riga: Gamajun Publ., 1996 (in Russian).
- Khmel'nitsky S. *Konstruktsiia i ornament (Construction and Ornament)*. Moscow — Berlin: Sawadowskaja Verlag Publ., 2013 (in Russian).
- Schimmel A. *Mistical Dimenshions of Islam*. Moscow: Aleteya-Enigma Publ., 1999 (Translation from English into Russian).
- Evarnitsky D. *Putevoditel po Srednei Azii ot Baku do Tashkenta v arkhelogicheskom i istoricheskom otnoshenii (A guide to Central Asia from Baku to Tashkent in Archaeological and Historical Terms)*. Tashkent: [Izdano na sredstva, assignovannye turkestanskim general-gubernatorom] Publ., 1893 (in Russian).
- Annanepesov M. *The Turkmens. History of Civilizations of Central Asia. Vol. V. Development in Contrast: From the Sixteenth to the Mid-Nineteenth Century*. Paris: UNESCO Publ., 2003, pp. 127–140.
- Erdmann K. *Das iranische Feuerheiligtum*. Leipzig: J.C. Hinrichs Publ., 1941 (in German).
- Godard A. *Les monuments du feu. Athhar-é Iran. Annales du service archéologique de Iran*, vol. III. Paris: Paris Librairie Orientaliste Paul Geuthner Publ., 1938, pp. 7–80 (in French)
- Golombek L., Wilber D. *The Timurid Architecture of Iran and Turan*, vol. I–II. Princeton: Princeton University Press Publ., 1988.
- Gabrar O. *The Earliest Islamic Commemorative Structures, Notes and Documents. Ars Orientalis. The Arts of Islam and the East*, vol. 6. Berlin: Printed by Bruder Hartmann Publ., 1966, pp. 7–46.
- Haji-Qassemi K. (ed.). *Ganjnameh. Cyclopædia of Iranian Islamic Architecture. Vol.11. Emamzadehs and Mausoleums*, parts I–III. Tehran: Shahid Beheshti University Publ., 2010.
- Herzfeld E. *Archaeological History of Iran*. London: Oxford University Press Publ., 1935.
- Hillenbrand R. *Islamic Architecture: Form, function and meaning*. Edinburgh: Edinburgh University Press Publ., 1994.
- Hillenbrand R. *The Seljuq Monuments of Turkmenistan. The Seljuqs. Politics, Society and Culture*. Edinburgh: Edinburgh University Press Publ., 2012, pp. 277–308.
- Huff D., O'Kane B. ČAHĀRṬĀQ. *Encyclopædia Iranica*, IV/6, pp. 634–642, available online at <http://www.iranicaonline.org/articles/cahartaq> (accessed on 30 December 2012).
- Leisten Th. *Between Orthodoxy an Exegesis: Some Aspects of Attitudes in the Shari'a Toward Funeraty Architecture. Muqarnas. An Annual on Islamic Art and Architecture*, vol. 7. Leiden: Brill Publ., 1990, pp. 12–22.
- Leisten Th. *Architektur für Tote. Bestattung in architektonischem Kontext in den Kernländern der islamischen Welt zwischen 3./9. und 6./12. Jahrhundert*. Berlin: Verlag von Dietrich Reimer Publ., 1998 (in German).
- McChesney R. D. *Architecture and Narrative: The Khwaja Abu Nasr Parsa Shrine. Part 1: Constructing the Complex and Its Meaning, 1469–1696. Muqarnas. An Annual on Islamic Art and Architecture*, vol. 18. Leiden: Brill Publ., 2001, pp. 94–119.
- O'Kane B. *Timurid Architecture in Khurasan*. Costa Mesa: Mazda Publ., 1987.
- Pougatchenkova G. *Chefs-d'oeuvre d'architecture de l'Asie central XIVe–XVe siècle*. Paris: UNESCO Publ., 1981 (in French).
- Rante R. "Khorasan Proper" and "Greater Khorasan" within a politico-cultural framework. *Greater Khorasan. History, Geography, Archaeology and Material Culture (Studies in the History and Culture of the Middle East, vol. 29)*. Berlin & Munich & Boston: Walter de Gruyter Publ., 2015, pp. 9–26.
- Schippmann K. *Die iranischen Feuerheiligtümer*. Berlin — New York: de Gruyter Publ., 1971 (in German).